

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Почести

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619855

Аннотация

«... Меньшикову очень хотелось, чтобы Столыпин, хотя бы по случаю юбилея, пожал ему руку. Но старый, усталый мозг не знал – как это сделать?

Постояв минут десять у стола Столыпина, Меньшиков пустился на хитрость:

– А вы знаете – через три минуты будет дождь...

– Вечно ты, брат, чепуху выдумываешь, – проворчал Столыпин.

– Ей-богу. Хотите пари держать?

Простодушный Столыпин попался на эту удочку.

– Да ведь проиграешь, старая крыса?

Однако руку протянул. ...»

Аркадий Аверченко

Почести

*В № 11981 «Нового времени» Меньшиков написал
тысячный фельетон.*

Меньшиков проснулся рано утром.

Спустил с кровати сухие с синими жилами ноги, сунул их в туфли, вышитые и поднесенные ему в свое время Марией Горячковой, и сейчас же подошел к окну.

– Погодка, кажется, благоприятствует, – пробормотал он, с довольным видом кивнув головой, – я рад, что погода не помешает народным массам веселиться в радостный для них день юбилея.

Одевшись, он зачерпнул из лампадки горстью масло и обильно смазал редкие, топорщившиеся волосы.

– Для ради юбилея, – прошептал он, ежась от струйки теплого масла, поползшей по сухой согнутой спине.

Через полчаса швейцар суворинского дома открыл на звонок дверь и увидел сидящего в ожидании на ступеньках лестницы Меньшикова.

– Ты чего, старичок, по парадным звонишься? – приветствовал его швейцар. – Шел бы со двора.

– День-то какой ноне, Никитушка!

– Какой день? Обыкновенный.

– Никитушка! Да ведь можешь ты понять, тысячный фельетон сегодня идет!

– Так.

– Ну, Никитушка?

– Да ты что, ровно глухарь на току топчешься? Хочешь чего, что ли?

– Поздравь меня, Никитушка!

– Экий ты несообразный старичок... С чем же мне тебя поздравлять?

– Никитушка!.. Тысячный фельетон. Сколько я за них брани и поношения принял...

– Ну так что же?

– Поздравь меня, Никитушка.

– Эк ведь тебя растревожило. Ну что уж с тобой делать: поздравляю.

– Спасибо, Никитушка! Я всегда прислушивался к непосредственному голосу народа. Вот обожди, я тебе на водку дам... Куда же это я капиталы засунул? Вот! Десять копеечек... Ты уж мне, Никитушка, три копеечки сдачи сдай. Семь копеечек, а три копеечки мне... Хе-хе, Никитушка...

– На! Эх ты, жила.

– Не благодари, Никитушка... Ты заслужил. Это ведь говорится так – на водку, а ты бы лучше на книжку их в сберегательную кассу снес... Ей-богу, право. Сам-то – встал?

– Встал. Иди уж. Ноги только вытри.

– К вам я, Алексей Сергеич...

– Что еще? Говорил я, кажется, что не люблю, когда ты на дом приходишь. Нехорошо – увидеть могут. Если нужно что, можешь в редакции поманить пальцем в темный уголок – попросишь, что нужно.

– День-то какой нынче, Алексей Сергеич!

– А что – дождь?

– Изволили читать сегодня? Тысячный фельетон у меня идет.

– Ну?

– Можно сказать – праздник духа.

– Да ты говори яснее: гривенником больше хочешь за строчку по этому случаю?

– За это я вашим вечным молитвенником буду... А только – день-то какой!

– Да тебе-то что нужно?

– Поздравьте, Алексей Сергеич!

– Удивляюсь... Ну, скажи – зачем тебе это понадобилось? Меньшиков переступил с ноги на ногу.

– Хочу, чтобы, как у других... Тоже, если юбилей, то поздравляют.

– Глупости все выдумываешь! Иди себе с Богом!

Придя в редакцию, Меньшиков подошел к столу Розанова и протянул ему руку.

– Здравствуйте, Василь Васильич!

Близорукий Розанов приветливо улыбнулся, осмотрел протянутую руку и повел по ней взглядом до плеча Меньши-

кова. С плеча перешел на шею, но когда дошел до лица, то снова опустил взгляд на бумагу и стал прилежно писать.

– Я говорю: здравствуйте, Василь Васильич!

– ...Брак не есть наслаждение... – бормотал Розанов, скрипя пером. – Брак есть долг перед вечным...

От напряженного положения протянутая рука Меньшикова стала затекать. Опустить ее сразу было неловко, и он сделал вид, что ощупывает карандаш, лежавший на подставке.

– Странный карандашик... Таким карандашиком неудобно, я думаю, писать...

Меньшиков опустил на стул, рядом со столом Розанова, и беззаботно заговорил:

– А я сегодня тысячный фельетон написал. Ей-богу. Можете поздравить, Василь Васильич... Много написал. Были большие фельетоны и маленькие были. Да-с... Сегодня меня, впрочем, уже многие поздравляли: швейцар Никита – этаким славным чернозем! Алексей Сергеич поздравляли...

– Всякое половое чувство должно быть радостным и извечным... – бормотал, начиная новую страницу, Розанов.

– Я уж так и решил, Василь Васильич: напишу фельетон о печати! Хе-хе! Изволили читать? Вы где, на даче в этом году живете? Впрочем, я думаю, что разговор со мной отвлекает вас? Ухожу, ухожу. Люблю, знаете, с приятелем в беседе старое вспомнить... До свиданья, Василий Васильич...

Меньшиков протянул опять руку, подержал ее минуты три, потом потрогал пресс-папье и сказал одобрительно:

– Славное пресс-папье!

Старческими шагами побрел к кабинету А. Столыпина.

– Здравствуйте, Александр Аркадьич!

Меньшикову очень хотелось, чтобы Столыпин, хотя бы по случаю юбилея, пожал ему руку. Но старый, усталый мозг не знал – как это сделать?

Постояв минут десять у стола Столыпина, Меньшиков пустился на хитрость:

– А вы знаете – через три минуты будет дождь...

– Вечно ты, брат, чепуху выдумываешь, – проворчал Столыпин.

– Ей-богу. Хотите пари держать?

Простодушный Столыпин попался на эту удочку.

– Да ведь проиграешь, старая крыса?

Однако руку протянул. Меньшиков с наслаждением долго мял столыпинскую руку. Когда Столыпин вырвал ее, Меньшиков хихикнул и, довольный, сказал:

– Спасибо за то, что поздравили!

Потом Меньшиков ушел из редакции и долго бродил по улицам, подслушивая, что говорит народ о его юбилее.

Никто ничего не говорил. Только в трамвае Меньшиков увидел одного человека, читавшего «Новое время». Подсел к нему и, хлопнув по своей статье, радостно засмеялся.

– Что вы думаете об этой штуке?

Читавший сказал, что он думает.

Меньшиков вышел из трамвая и долго шел без цели, бор-

моча про себя:

– Сам ты старый болван! Туда же – в критику пускается.

Вечером сидел у кухарки на кухне и рассказывал:

– Устал я за день от всего этого шума, поздравлений, почестей... Начиная от швейцаров – до Столыпина – все как один человек. А Столыпин... чудак, право... Схватил руку, трясет ее, трясет, пожимает, – смех, да и только! Старик тоже – увидел меня, говорит: что нужно – проси! Отведи в уголок и проси. Ей-богу, не вру! Хочешь, говорит, надбавить – надбавлю. Публика тоже... В трамваях тоже... Обсуждают статью.

Ночью он долго плакал.